

● ЛЕГКИЙ ЧЕЛОВЕК

РАССКАЗ

Прошло немало лет с тех пор, как Филипп Речкин и Степан Крапивин потеряли друг друга из виду. Встречались когда-то на путях-перепутьях зимой и летом в колхозных конторах и сельсоветах, в гаражах, на фермах и зерновых дворах. Встречались по тогдашним своим делам. И тот, и другой — участковые: Речкин — милиционер, Крапивин — ветеринар.

Нельзя сказать, чтобы они дружили. Просто соприкасались по делам службы и понимали, что оно лучше, когда помогаешь друг другу.

Участок Речкина охватывал те же четыре деревеньки, которые обслуживал молодой тогда ветфельдшер Крапивин. Работы для Речкина было немного, да и та больше профилактическая, мелкая: пьянчужки, хулиганишки, домашние безобразники. Воровство случалось редко, а насчет грабежей и насилий вообще не слышно было.

Зато Крапивину работ и забот хватало, как он говорил, по ноздри. Давно известно, что скотину держать тогда выгодно, когда есть чем кормить досыта. А если впроголодь — беда. Белый свет копит скотина, вдесятеро больше всякого к себе внимания требует. А если еще с заразой не бороться — пищи пропало. От сытой, справной скотины всякая болячка отскакивает, а к худобе, наоборот, льнет. А ты, ветеринар, крутись, как на пожаре, подставляй руки. Ни сна, ни отдыха. В дурацком положении оказываются ветеринар, зоотехник и все животноводы, когда кормов нет.

Вот про это и кричал Крапивин на собраниях и на всех перекрестках. Даже в газету писал. Шумел, доказывал простейшую истину, а доказать, вроде, и не мог. Может, слишком молод был. У него не хватало форменных бланков на акты и объяснения и вообще бумаги на писанину не хватало. И все же без писанины нельзя было. Спасти положение бумагами он не мог, но приучить людей к более строгому порядку надо было.

Вот тут-то и пригодился Филипп Речкин. Милиционер на селе — фигура значительная. А в те годы и подавно — военная форма, наган на боку, полевая сумка с казенными бланками... К тому же у Речкина и погоны были офицерские, капитанские, гвардейский значок на груди, в два ряда орденские планки. Да еще трофейный бинокль висел на животе. Сила! Одно дело, когда ветеринар и прочее штатское начальство права качает и другое — когда приедет Речкин со своими погонами, актами и протоколами.

Вообще, когда появились обязанности всячески содействовать сельскому хозяйству, Филипп Речкин почувствовал себя фигурой более важной и полезной. Именно он навел порядок, например, с бродячим скотом. А то черт-те что было! Шляется скотина, заразу всякую собирает и сама разносит, в общественное стадо лезет, на зерновой двор, на силос. Или взять такое дело: имеется в частном пользовании какой-нибудь худопородный боровишко. Он же полную свободу имеет, к колхозным маткам прет. И получается вместо улучшения породы мешанина пестрая, как у бродячих собак.

И в смысле чистоты на фермах Филипп Речкин хорошо помогал. Вообще, ему нравилось бывать в людных местах, особенно среди женщин. А на фермах как раз одни женщины и работали.

В зимнюю пору Филипп Речкин ездил на санях, в которые запрягал Орлика — толстого лохматого меринка си-вой масти, которого районный отдел милиции выдал ему вместе с должностью и наганом. Больше пятнадцати километров в час меринок бежать не мог, и все-таки Филипп покрикивал так лихо, будто норовил обогнать всякий быстроходный транспорт. Ну а летом он больше перемещался на велосипеде, благо все четыре деревеньки стояли вдоль одного песчаного, даже в дожди проезжего проселка.

Есть люди, которые то ли по молодости, неопытности и неуверенности в себе, то ли по другим каким причинам на фронт уходили робкими, неловкими, а вернулись лихими молодцами, которым — все нипочем, все в радость и в удовольствии. Таким был и Филипп Речкин. Это состояние духа, может, заключалось в самом характере, а может, вызвано было фронтовой жизнью, которая в любую минуту могла оборваться. «Здоровый дух», с шутками-прибаутками, — это ведь тоже броня, защита и оружие. Там, на фронте, люди старались поддержать друг друга не только огнем и штыком.

С таким вот характером, с четырьмя легкими ранениями и погонами капитана вернулся домой Филипп Речкин. Никогда не унывающий, он любил начиститься до блеска и пощеголять среди народа офицерской формой. С тех пор и не покидала его непонятная людям радость. Может, это была просто радость оттого, что остался жив-здоров, что собой — ничего мужик, хотя и не богатырского сложения, что семья завелась и вообще живется-может.

Первых лет восемь Филипп работал на разных гражданских должностях, а потом поступил в милицию, сразу в чине капитана. То есть за ним сохранялось фронтовое офицерское звание, хотя никакого специального милицейского образования у него не было. Семь классов — и все.

Надев новенькую милицейскую форму, Речкин отправился принимать участок в отдаленном лесном районе. И вот вместо угрюмого милицейского старшины, страдавшего желудком, появился веселый капитан лет тридцати или чуть больше. Форма на нем всегда сидела аккуратно, сапоги и ремни зеркально блестели, и сам он весь сиял. Обычного

роста, жилисто-гибкий, больше белокурый, чем русский, с мальчишески ясными, шаловливо-радостными глазами, большеротый, большеносый и большеухий. Строгости, которая полагалась ему по чину и должности, в нем никогда не было. Даже самые грозные акты составлял, балагуря. Дескать, потерпи, дорогой мой и хороший... Так положено... В другой раз умнее будешь...

Приехав на ферму, Речкин непременно приветствовал женщин какой-нибудь залихватской шуткой. Вообще, он въезжал с каким-то особым шиком. Обычно велосипедисты тормозят в самый последний момент. А Речкин — наоборот. В виду народа он ехал медленно и чинно, держась, как хороший кавалерист на параде. Ехал как бы специально для того, чтобы людям показаться подольше и во всей красе. Спицы у велосипеда блестят. Сапоги блестят. Ремни блестят. Пуговицы блестят. Лакированный козырек блестит. А уж гвардейский значок — и подавно. И весь он аккуратный, гладко выбритый, улыбчивый. Поставит велосипед, поздороуется, спросит, как делишки, и вдруг:

— Э-эх-х, бабоньки-и! — и аж присядет, будто бороться хочет и руки потрет, будто они так и чешутся, так и чешутся. — Э-эх-х, был бы я неженатый!..

Однако тут же и построжает, насупится, хотя глаза полыхают мальчишеской радостью, озорством и нерастраченной удалью.

— Вы смотрите у меня. Я веселый-то веселый. А как прижму, понимаешь! Опять, поди грязи развели тут...

Встречаясь с ветеринаром Крапивинным, он и его приветствовал лихо-весело и тут же давал понять, что с него, с Крапивина, причитается. А как же! Он, Речкин, уже «дал чертей» и на МТФ, и на СТФ, и на ОТФ. Порядка потребовал, хотя у него есть и свои обязанности. Требовал Речкин порядка, когда видел растерянное на дороге сено, когда плохо хранили корма, когда остожья плохо выбирали и силос. Так что с Крапивина и впрямь причиталось.

Так они и работали вместе. На собраниях, на заседаниях в сельсовете выступали. Даже на охоту, случалось, вместе ходили.

Потом Крапивин заболел. Врачи посоветовали спокойную работу. И вот в таком-то возрасте — еще и тридцати не было — он переехал в город, в «Зооветснаб». И утратилась у них с Речкиным связь. Один здесь, другой — там, далеко.

Так прошло лет пятнадцать. За это время Крапивин не-

сколько раз съездил на курорты и почти совсем излечил свой недуг, получил хорошую городскую квартиру, перевез из деревни престарелую мать, которая вполне еще управлялась по дому и с двумя сорванцами. Жить стало проще, веселей, свободней, к тому же — два выходных. И зачастую Степан Крапивин то на рыбалку, то на охоту.

В этот раз поездка была в ноябре, по первому снегу и не на субботу с воскресеньем, а на всю неделю, поскольку — отпуск. Ехали вдвоем с приятелем: капитаном из пехотного училища, мастером спорта по стрельбе в «бегущего оленя». У капитана Перепеленко тоже был отпуск. И главное — собственная машина «ГАЗ-69»; не так-то просто занять такой вездеход. А со своей, да еще с такой надежной машиной, на охоту можно забраться черт знает куда.

Когда-то Крапивин с Перепеленко встретились в зимовьюшке, познакомились. Ночевали вместе, разговорились.

Оказалось, что однажды очень хорошая была охота у Перепеленко в Хараинском районе, на участке егеря Речкина. И еще выяснилось, что это тот самый Речкин, с которым Крапивин когда-то работал на одном участке. Слово за слово — и Перепеленко поведал про дальнейшую жизнь Речкина: он уже не раз к нему ездил и был с ним в хороших отношениях.

— О, Филипп — спец! Этот — спец!

Дмитрий Перепеленко, жизнелюб и оптимист, особым красноречием не отличался, хотя и не был молчуном. Просто на все сложные явления жизни откликался какой-нибудь коротенькой шутливой фразой, а то и одним словом. Коренастый, плотный, спокойный, с лучистыми, чуточку выпуклыми светло-синими глазами, он как бы и других успокаивал, призывал зря не волноваться, не тратить лишних слов и — соображать. Может, это у него шло от профессии. Ведь стрелять надо спокойно, не суетиться, не болтать лишнего. Руководящий товарищ, который развалил работу, для Перепеленко — «дорулился!». Женщина с волевым характером — «щука». Карьерист — «прет... лезет». А высшая похвала для него — «спец». Это значит — человек, с которым можно иметь дело и не сомневаться. За это и самого его прозвали «Димка-спец».

Вот теперь Димка-спец рулил именно к Речкину. Да еще Крапивина вез. Обрадуется, поди.

Ехать надо было километров двести, для всяких разговоров времени вполне достаточно. Говорили, конечно, и про

Филиппа. По милицейской стезе тот дальше не пошел. То ли сам раздумал, то ли надо было доучиваться — теперь ведь без специального образования нельзя. А годы уже не те. Кроме того, в район, тем более в область, Филипп, по своему характеру, не поехал бы. Нравилось ему там, в Харинском районе, в лесах, да в сопках. Прижился. Ну и стал егерем.

В село, где теперь жил Речкин, приехали поздно — день зимний короток. Филиппа дома не было — уехал по делам. Жена его Любаня, чем-то похожая на молодую сытую перепелку, встретила Димку-спеца, как давнего знакомого. А Крапивина не сразу и признала. Помнила его молодым и поджарым, а нынче это был солидный мужчина с широким животом, на котором едва сходился ремень.

— Глянь, чо деется с городскими культурными мужиками! — засмеялась она, когда все же узнала Крапивина. И хлопнула его по брюху. Она вообще была игровитая бабенка, под стать своему Филиппу.

Разделись, закурили. Любаня сказала, что будет стряпать ужин — нужны дрова. И они пошли во двор пилить дрова, а два пацана Речкиных — лет десяти и двенадцати — вызвались сидеть на бревешках верхом, чтоб держать их, чтоб пилить было сподручнее. А два других пацана дома остались.

Давно не работали пилой и топором городские мужики, жившие в квартирах со всеми удобствами. И пилили в охотку, хотя и не так сноровисто, как в былые годы, когда жили в деревне и топились дровами. Мороз — не в мороз. Разогрелись, полушубки скинули. Опилки сыпались на снег, скипидарно пахло сосной, певуче звенела и ширкала пила, а с заснеженной крыши с ветерком падал во двор голубой кудрявый дымок — хозяйка растапливала печь.

Вскоре она вышла на крыльцо и сказала, что дров хватит, надо чурки поколоть, а то она уж затопила, добавлять пора. Кололи тоже в охотку, в два топора. А пацаны вперегонки носили поленья в избу, тоже разогрелись, покраснелись, и пахло от них избяным теплом вперемешку с запахами дерева и сена, на котором они успели побарахтаться.

Оттого, что у Речкиных был обширный двор, заваленный дровами — долготьем и сеном, что в стайке взмыкивала корова и там же где-то урчал боров, что в теплом, застекленном хлеву переговаривались куры, что шалили краснощекие пацаны, а хозяйка выносила пойло скотине, — от всего этого ка-

залось городским мужикам, что вернулись они в прекрасную детскую пору.

Управившись с дровами и надев полушубки, они еще долго сидели на бревнах и курили, переговаривались, поглядывали на звезды, уже окропившие небо, и как бы прислушивались к погоде, от которой зависела завтрашняя охота.

Так во дворе и застал их въехавший с улицы с морозным скрипом и лихим покриком Филипп Речкин.

— Здорово, мужики! — крикнул он, еще не узнавая в темноте, кто это и чья машина стоит во дворе.

Остановив лошадь, Филипп — в тулупе, валенках, с кнутом в руке — легко выпрыгнул из саней, бросил вожжи и подошел к вставшим навстречу мужикам.

— Димка! Спец! Едрит-твою подбодри!.. А это кто с тобой такой пузатый?..

— Не узна-ал, Филипп Никитич, не узна-ал, — подходя с протянутой рукой и широко улыбаясь, упрекнул Крапивин.

— Е-ё-ё — моё! Степан! Крапива! — Речкин стиснул поданную руку, обнял Крапивина, похлопал со спины, а потом, точно так же, как жена, похлопал его по животу и, подмигнув, пошутил насчет «трудовой мозоли». — Вот это уважил! Ну-ко, давай помогай распрягаться да пойдём в избу. Буду смотреть, какой ты стал. А? Это надо же!..

«Все тот же, все тот же, — отмечал про себя Степан, — молодец, ей-богу. Не унывает... Да и чего унывать-то!..»

— А лошадка у тебя другая? — спросил Перепеленко.

— Другая, паря, Сивку шабашники съели. Строители. А эта молодая еще... У, шалава, я те покусуюсь!.. Дура, понимаешь. Но рысь, доложу я вам, — хоть сейчас — на ипподром!

Управившись с лошадыю и сбруей, они пошли в теплую избу, из которой уже валил аппетитный запах тушеного мяса с приправами.

— Сейчас я вас кое-чем угощу, — шумно переступая порог и на ходу раздеваясь, говорил Речкин, — сейчас мы... — Он вдруг задергал носом и встревожился. — Да ты что? Одну козулятину, что ли?

— Все натушила. Без тебя догадалась, — будто на маленького, прикрикнула хозяйка и сразу же велела ему лезть в подпол за груздями, редькой и огурцами.

— Гришка вон слазить может, — сказал Речкин. — А ну, Гришка, давай!

И Гришка — старший — полез в подпол.

В избе стало шумно, весело и празднично. Речкин никак не мог привыкнуть, что у Крапивина пузо выросло.

— Это ж тебе надо два патронташа связывать! — хохотал он. — Хэ-хэ. А растрястись полезно, поле-езно. Давно бы приехал, понимаешь...

Так же, как в былые годы, с радостью и удовольствием рассказывал Филипп о себе, о своих пацанах, о жене, которая, «зараза», чуть было не уехала от него однажды в город, о том, как он браконьеров гоняет, и о всяких разных происшествиях местного значения. А кабанятина и козулятина, которую они ели под спирт, привезенный Крапивинным, это — ведь с неба. Да-да! С вертолета сбросили. Браконьерили в тайге — еще дальше где-то — важные, должно быть, люди и сбросили на снег посередь елани. Потом, наверно, хотели незаметно взять. А тут он, Речкин, заявился. Глядь: сороки, вороны, сойки крутятся и чернеется что-то. Думал, кабан-подранок завалился. Ружье — наготове. А подошел — там вон что! Четыре мешка с мясом! Поня-а-тно... Ну, привез, опечатал, в район позвонил. Машина пришла, забрала мясо. Виновных искачь стали. До сих пор ищут. Мясо промхоз забрал, потом распродавал через ларек. И Речкиным досталось. Такие вот дела бывают. Не зря говорится: техника вредит природе... Ну, а зверь есть. Есть нынче зверь. Разлицензии на руках, то что ж... Завтра и поедут. Он, Речкин, знает несколько подходящих местечек. Уж он-то знает!

Утром, едва начало отбеливать, машина с охотниками вышла со двора и, оставляя в воздухе сладковато-муторный запах сожженного бензина, умчалась за село, в сторону дремотно черневших сопкок. В сопках, где по дну затяжного распадка виляла дорога, Филипп велел ехать потихоньку и поглядывать по сторонам. Ведь бывает и так, что зверь прямо под колеса прет.

Уже рассвело. Верховые, рыжие от зимующей листвы дубняки осветило солнце, и с сопки на сопку стали перелезать косачи, а признаков хорошего зверя не было.

Выехали на самый становик и проехали вдоль километров пять. Крапивин когда-то бывал и здесь. Тут много разных дорог и почти все проезжие, поскольку сопки песчаные, сухие, дубовый лес — проходимый, а снег неглубокий. В этих местах вообще не бывало больших снегов. Охотнику ходить нетрудно, если не считать крутяков, да густых мелко-

лесий, да глубоких, обрывистых распадков, заросших ольховником.

— Однако, придется поворачивать оглобли, — рассуждал Филипп. — Наверно, мы где-то просмотрели след. Давай, спец, заворачивай.

Филиппу, конечно, хотелось, чтоб охота была удачной, чтоб он не осрамился. Ведь он тут должен все знать, как у себя дома. Затем к нему и приехали эти знакомые люди с лицензиями, по всем правилам. Да и люди хорошие — уважить надо.

Подав машину туда-сюда, Перепеленко развернулся и малым ходом поехал назад. На спуске со становика выключил зажигание, машина почти неслышно скатилась в распадок и еще долго бежала по нему с замершим мотором, лишь колеса скрипели по снегу.

— Стой! Стой! — зашумел Филипп. — Вот он, язва!

Крапивин схватил дробовик, полагая, что Речкин увидел зверя, и рванулся было из машины. Но видя, что Филипп рассматривает что-то совсем рядом, на снегу, успокоился.

Это был след крупного кабана, которого Речкин будто бы не раз в «рыло» видел.

— А может, помоложе какого? — спросил он, загадочно поглядывая на товарищей. — Есть тут и помоложе. Сеголетки есть.

— Ну, ты — спец! Спец! — похлопал Филиппа по плечу Димка. — Прямо, как у себя в хлеву!

— А что? Я знаю, что говорю. Я зна-аю, будь спок...

След стеганул поперек распадка, через дорогу. Кабан спустился с солнцепечного обмыска по краю орешника и кое-где пропахал копытами до земли. Далее он направился на другой, более теневой косогор, заросший старым дубняком и разным мелкоколесьем. След был староват. Когда Филипп подсунул руку, поднял след и выдул осыпавшийся в него снег, на ладони остался как бы чехол от копыта — такая раздвоенная чаша.

— Видал — как у бычка! А прошел дня два назад... Ну, что будем делать, мужики?

Мужики стали рассуждать. Найти кабана, конечно, можно. Только, может, слишком долго ходить придется, может, не один день даже. Кабан — хитрый зверь, но эта же хитрость и губит его. Ведь он что делает, когда спугнешь его? Сначала, вроде, от тебя рванет куда-то. А пойдешь по следу — и увидишь: делает круг и где-нибудь обязательно петлей

замкнет. А дальше чешет своим же следом в обратном направлении. Пока ты делаешь за ним эту петлю, он уже черт знает куда упорет! И все по чаще, по непролазному кустарнику. Ему-то что — он, как торпеда, прошивает все это своим клиновидным рылом. А охотнику каково? Так что, поднявши зверя, вовсе не надо бросаться по следу. Надо подождать, покурить и возвращаться. И километра через два-три обязательно увидишь, как зверь выбежал на свой след и еще долго мчится вскачь. Вот тут-то где-нибудь и надо оставлять хорошего стрелка. Зверь сам набежит.

— Ну как, ребята? — опять спросил Речкин. — Если согласны, ты, спец, выбирай местечко и карауль. А прокараулишь, язви ты, — на себя пеняй! Понял? Да еще мы со Степой добавим. Ходить-то за ним, думаешь, легко?..

— Ты, Филя, миленький, сначала найди. Выпугни, а там не твоя забота...

— Ха. Вот то-то и оно, что найди да выпугни! А тебе я намек авансом даю, для профилактики. Как вот Степа — все профилактику внедрял, бывало.

— Бывало, бывало, — вздохнул Крапивин.

Переговариваясь так, они вместе с тем высматривали местечко, где Димке пост занять. И выбрали его на скате обмыска. Сюда Перепеленко должен загнать машину, обложить ее ветками орешника, а сам залезть наверх, на тент, и залечь там со своей спортивной винтовкой, укрывшись тулупом.

Порешив так, Речкин с Крапивинным взяли из машины с полпачки сахара, чтоб подкрепиться в случае чего, и пошли поднимать зверя. Предположительно кабан держался в солнечных крутяках, в верховых распадках. Ближе он быть не мог, потому что здесь каждый день ходил колхозный трактор за дровами. Но до тех крутяков еще идти, да идти...

Идти было не убрдно, и если бы за шиворот не сыпался снег с каждого потревоженного куста, то и остерегаться бы не надо. Но след как раз и шел по кустам и мелколесью. Впрочем, строго по следу идти не обязательно, и они выбрали места почище, один справа, другой — слева и порой довольно далеко друг от друга. Когда один натыкался на след, тут же давал знать другому, чтоб заворачивал сюда.

Поджарый Речкин легко катился вверх и вниз по уклонам, а толстомясый Крапивин сразу запыхтел, запарил, как перегревшийся радиатор. Он надавал ходу, стараясь не от-

стать от напарника, и все же частенько оказывался сзади. Но часа через полтора и он разошелся, пропотел и трещал иногда даже впереди Филиппа. Вообще, он был человек азартный.

— Давай, давай, паря, — подбадривал Речкин. — Горючего у тебя на неделю хватит.

— Какого горючего? Оно же там, в машине... во фляжке, — одышливо спрашивал Крапивин.

— А жирок разве не горючее, а? Ишь, язви ты... Втягивайся давай, втягивайся. Может, всю неделю вот так ходить придется, если кабана захотел...

И Крапивин втягивался. Шапку он то снимал и заталкивал под патронташ, и тогда над головой вспархивало туманное облачко, то надевал на индевеющие волосы и даже опускал уши. Простывать — оно тоже не годилось. Но самое скверное было все же то, что с кустов на плечи и за воротник то и дело сыпался снег. И фуфайка и свитер под ней в верхней части были мокрые и холодные, спасение было только в ходьбе. Остановись вот так на ветру — и простудишься.

А след тянул по вершинам распадков, вдоль северной стороны становика, по самым трудным местам. Потом стал забирать вверх и пошел строго по хребту, повторяя все его изгибы.

Было уже за полдень, когда стали попадаться старые гойна и вывороченные из-под снега вороха старой листвы и прели. Кабан искал опавшие желуди или другое что. Потом появилось много набродов в разные стороны и пришлось делать охватные круги, чтобы обсесть все и разобраться: в круге зверь или ушел дальше.

Крапивин не то чтоб потерял веру в успех, — просто устал, успокоился, пропотел, притерпелся и даже отупел малость. Действительно, надо втягиваться...

Он как раз обсекал путаные наброды по низу, с северной стороны, когда с другой, с солнечной, выше его, оглушительно ударил выстрел, второй, третий... Он сразу догадался, что это Речкин палит из своего охотничьего карабина, и побежал напересек пулям, которые, взвизгнув, унеслись далеко вперед. Он сильно торопился, надеясь, что кабан вдруг выскочит на него. Но опоздал. Увидел только два свежих следа, обозначенных большими прыжками, сломанными лесинками и разбросанным в стороны снегом. Сначала следы по отдельности шли вдоль становика, потом слились, спустились в

седловину и начали забирать вправо, в подсеверье. Значит, точно: кабаны делали свой обманный круговой маневр.

Меж тем, оказывается, давно уж кричал Речкин, так как дальше идти теперь не было смысла.

— Чего ты поперся за ними?! Зачем? — зашумел он, когда Степан приблизился.

— Но ты же стрелять начал. А я думаю — поперек выскочу. А вдруг?.. — И, повременив немного, спросил, не попал ли, не ранил ли Филипп зверя.

— Смазал... — махнул тот рукой. — Давно уж надо выбросить этот дрын, — указал он на карабин, висевший на дубке. — Расстрелянный — дальше некуда. Да и торопился, язви его... Они же сразу — в гору и за хребтиной скрылись. Хотел на тебя завернуть...

Закурили и уселись на дубовую валежину, через которую только что перемахнули кабаны.

— Видал, два их оказалось. Сошлись. Во как! — крутя головой, весело сокрушался Речкин. — И рядышком были, рукой подать! А я и карабин за спиной нес. В крутяк лез, носом бороздил. Тут у них, почти на самом верху, прилавочек такой, а на прилавочке, с полметра глубиной, — ложбинка. Вся листвою завалена. Ха-а-рошая постель! Отдыхали на солнышке. А я тут, понимаешь...

И непонятно было, то ли он огорчился, что промазал, то ли радуется, что кабаны живы-здоровы и за ними еще походить надо. Впрочем, Филипп всегда был доволен жизнью.

— Теперь, паря, покурим, отдохнем маленько и, не спеша, — к машине. А кабаны пускай бегут. К Димке.

— Интересно, как Димка. Слышал, наверно, твои выстрелы?

— Ого! Конечно, слышал. Если, язви его, проворонит, мы ему дадим жару! — Речкин завернул рукав фуфайки и посмотрел на часы. — Минут через двадцать должны услышать его. Должны бы...

Крапивина начала пробираться дрожь. Заметив это, Речкин велел ему бегом ломать сухие сучья, пенечки всякие и разводить костер.

— Ты же, без привычки, да с таким... с такой мозолью, понимаешь, весь мокрый, наверно. Давай, давай, паря! А то, язви его, трехглавая мышца и все эти нервы на плечах воспалиться могут. Дохлое дело. По себе знаю.

Сам он, тоже на рысях, побежал к сосенкам наломать нижних сухих веток. А когда жарко запылал костер, Речкин

снял свой, почти сухой, свитер и велел надеть Крапивину. А крапивинский, тяжелый от влаги, слегка подсушенный на костре, надел сам.

— Теперь на ходу греться будем. Да ты не лезь в кусты-то. Становиком, по чистому пойдём. Кабаны и без нас на свой след вышли. Эх, — добавил он между прочим, — а шнапс сейчас как раз бы в масть был. Не мешает маленько. Тебе особенно.

— Так он же там, в машине.

— Ну ясное дело — там. Там и погреемся окончательно. Давай, паря, двигать.

Но только отошли от костра, за горой, в стороне машины, один за другим грохнуло два выстрела. Явственно донеслись. Значит — Димка-спец. Значит, все, как задумано было. Эх, кажется, все шло просто замечательно!..

— Видал, как они ходят! Мы тут с тобой еще телимся, а они уже там! Понял?

Речкин, вроде бы, даже гордился, что кабаны на его участке — не какая-нибудь шантрапа, а звери каких поискать. Это только говорится: свинья. А в случае чего — она те покажет!

Выбирая путь почище и попрямее, они часа через полтора вышли на покаты к тому распадку, где шла машинно-тракторная дорога, а за нею стоял в засаде Димка-спец. Под гору сбежали на рысях, тем более, что внизу надрывно взрывал трактор и слышались голоса. Уж не случилось ли чего?.. С этими кабанами все может статься.

Когда достигли дороги, трактора уже не было, он гудел ниже по распадку, все удаляясь. А рычал он тут потому, что задел санями за дерево, а потом назад сдавал, выправлял воз.

За падью, возле машины, съехавшей с обмыска, греясь, прохаживался Перепеленко, и пока неясно было, что там у него.

Минут через десять все выяснилось. Стрелял он в кабана. Кабан был один и здоровый, как танк. Шел за дорогой по косогору, метрах в четырехстах от машины. Но Димка-спец перед этим выпил немного спирту, а то зуб на зуб не попадал, угрелся и не сразу заметил кабана. Верней, кабан шел прямо на него, но тут черт принес этот трактор с дровами! Кабан свернул и двинул по косогору впереди трактора. Димка успел два раза пальнуть и только потом вспомнил, что прицельная планка стояла на двухстах метрах. Об-

низил. Что ж, бывает и так... Кабан, конечно, не стал дожидаться, нырнул в чащу и пропал.

Речкин покряхтел, пожурил «великолепного стрелка», проморгавшего зверя, и полез за фляжкой.

Короткий зимний день шел на закат, а мороз начал входить в самую силу. Надо было возвращаться домой.

На другой день спозаранку знакомым распадком они поднялись на становик и, перевалив его, двинулись в сторону амурских покатей. Там больше было соевищ, вблизи которых обычно держатся не только кабааны, но и козы. Тут опять ехали распадком, а километров через семь боковой ложбиной поднялись на новый становик, сопровождавший широкую долину справа и речку в ней — холодную летом и долго не замерзающую в начале зимы.

Следов было много, и старых, и недавних. Легко запутаться.

Остановились часа через три-четыре, когда недалеко уж осталось до Амура. Охотиться решили вроде как загоном. Лучший стрелок, — а это был, конечно, Перепеленко, шел по верху склона, почти по гриве, а Речкин с Крапивиным, нижним флангом вперед, пересекая многочисленные распадки, двигались косогором.

Таких загонов за день они сделали три. Сильно устали, но все же добыли козла. На этот раз Перепеленко полностью себя оправдал — свалил козла с первого выстрела, едва тот мелькнул в прогалине меж зарослей орешника.

У них было три лицензии: две на коз и одна на кабана. Конечно, больше всего хотелось добыть кабана, а его-то как раз взять и не удавалось. Только уж под самый вечер, да и то случайно, когда шли без загона, спугнули его. Опять это был самец, секач и такой же громадный, как вчера. И опять он оставил их с носом, то есть нырнул в заросший ольхой распадок и прямым ходом — к Амуру, к границе.

Речкин сказал, что этот секач, уж точно, и за кордоном не раз побывал и сейчас туда двинул от греха подальше. Но долго он там не продержится. Там есть нечего — каждую осень почему-то горят сопки.

...Спали всего часа четыре: приехали поздно и поднялись далеко до света. И как рассвело, были уже на том месте, где подняли секача.

Как и предполагал Речкин, кабан вернулся, пересек машинный след и подался на солнечные покати, в дубняки и

орешники. И еще оказалось, никуда он не ушел, а был почти рядом. На этот раз Филипп взял двустволку и картечь.

Подождав, пока напарники на флангах удалились метров на триста, Речкин зарядил ружье, взвел курки и, держа оружие подмышкой, вперед стволами, двинулся. Прошел не больше ста метров, когда след кабана скользнул в узкую глубокую лощину. Филипп, присев на карточки, хотел было съехать вниз. В это время — сначала справа по лощине, потом напротив Филиппа, потом левее сильно зашумело, затрещало и промелькнуло что-то большое и темное.

Речкин приложил ружье к плечу и потихоньку приподнялся. На той стороне лощины, полускрытый прутняком и пыреем, замерев и прислушиваясь стоял громадный кабан. Наверно, его спугнул Перепеленко, шедший справа, по низу склона. Филипп, не дыша, прицелился и спустил сразу два курка.

Зверь мигом повернулся, перемахнул лощину и вылетел прямо на Филиппа. Тот только и успел, что сигануть вверх и чуть в сторону. Тут-то кабан и зацепил его за левую пятку, обутую в растоптанный подшитый валенок, и поддал с такой силой, что Филипп нелепо кувыркнулся в воздухе и полетел через кабана под гору. Юзанув по снегу, он нагрудил впереди себя целый ворох снегу и влип в него.

Сперва ему показалось, что внутри все у него взболтано, перемешано и оборвано, но, хватанув воздуха, он понял, что жив — дышит! Ворохнувшись, вскочил на ноги, позаячьи отпрянул в сторону, еще в сторону, заметил впереди себя толстый сук черной березы, схватился за него и вспрыгнул, как в молодости прыгал на турник. Потом, зацепившись еще ногами, дотянулся до шершавого ствола, перебрался и встал на ноги. Теперь можно было оглядеться.

Кабан лежал наверху, на том месте, где поддел Филиппа, подмяв под себя передние ноги и зарывшись головой в снег. Ружье, в переломленном виде, висело на маленькой гибкой березке, зацепившись ремнем. Шапка лежала сзади кабана, почти на хвосте у него. Из сугроба, который нагрудил Филипп на дно лощины, торчало что-то похожее на старый, распоротый по голенищу валенок. Приглядевшись, Филипп убедился, что это в самом деле валенок — с полуоторванной подошвой и распоротым голенищем. Только тут он догадался взглянуть себе на ноги и окончательно понял, что это его собственный валенок: на одной ноге у него был только носок.

— Вот это но-омер! — сказал он вслух.

Звук голоса вернул ему самообладание, и он, все более ощущая, что кончилось все распрекрасно, стал кричать и свистеть, подзывая товарищей, которые уже спешили к нему и трещали кустами неподалеку.

Филипп сыркнул наземь, подбежал к тому месту, куда упал после кабаньего поддавка, и улегся опять во вмятину, которая осталась от него в снегу. Когда появились товарищи, он, выставив вверх ногу в носке, велел им остановиться и осмотреть картину. Дескать, вот так оно было.

Сам он сейчас лежал на дне лощины, в ворохе снега. В

изголовье — валенок. На березке — ружье. Наверху, будто чернильная лужа на белом, — кабан и шапка. Вот так, товарищи!

— Ну? Понятно теперь? — спросил Филипп, поднимаясь. — Вот такая вывертюра!..

Конечно, они глядели на него, будто он с того света вернулся. Охали, качали головами, хлопали Филиппа по спине, хвалили, смеялись. Рассказал им Филипп и про то, как сигал на сук. Да и по следам в снегу видно было.

Довольный, что эффект он произвел громадный, Речкин распорядился приступать к разделке добычи.

— Давай, товарищ ветеринар. Анатомию не забыл еще?

Это был старый зверь. Плечи у него были почти голые, — без щетины, зато кожа в этих местах толста и тверда, как асфальт, — броня, а не кожа. Говорят, кабаны-секачи нарочно трутся плечами и загривом о смолистые стволы деревьев, чтоб натереть тут твердо-смолистый панцирь. Говорят, это защищает их в драках — не вдруг клыком пробьешь, а если и ранят, так лучше заживает. А скорей всего, это у них многолетняя мозоль, вроде человеческой пятки. Ведь как раз плечам и загривку больше всего достается, когда кабанам приходится раздвигать кусты и проламываться через всякие другие преграды.

Все остальное на звере было в щетине и густом, мягком подшерстке. Голова — громаднейший свирепо-хищный клин больше полуметра длиной и, как бревно, толстый во лбу... Бульдозер! Два клыка-ятагана, будто разрубив верхние, хрящеватые губы, заворачивались назад и в стороны. Злые, полумесяцем вытянутые глаза оставались злыми и сейчас. В них застыли молнии и кровь. Зверь был седовато-темного цвета, с сильными передними ногами, бычьей грудью и поволчьим поджарым животом. Весу в нем было, наверно, центнера три. Никто из них ни разу не добывал такого.

Нельзя было мешкать — в первую голову надо «облегчить» секача, а то провоняется мясо. Вообще, в смысле мяса, большой секач — не такое уж сокровище. Долго надо варить-вываривать. Но в смысле охоты... Что и говорить, Филипп Речкин был героем дня.

Степану Крапивину за свою жизнь пришлось вскрыть множество павших животных. Ведь для того, чтобы написать акт, нужно поставить точный диагноз, который можно подтвердить только вскрытием и осмотром внутренних органов. По старой привычке, он и сейчас дольше, чем следо-

вало, рассматривал внутренности и не мог надивиться, до чего же все здоровое! Впрочем, что ж тут удивляться. Зверь — и есть зверь. А то бы не жил и род не продолжал, если не мог противопоставить жестоким условиям природы свой совершенный организм. Миллионы лет шел отбор самых приспособленных и выносливых.

Филипп спеленал свой валенок, для чего приспособил собачий намордник, найденный у Перепеленко в машине, развел костер, сходил с ведром и кружкой вниз по распадку за водой. Мороз прижимал, костер и теплая вода нужны были.

Управились рано и домой выехали еще в полдень. Речкин еще там, где свеживали добычу, хватанул с ознобу да с волнения почти полный стакан спирту. Крапивин выпил немного, а Перепеленко, как и положено шоферу, — ни грамма. После спирта Филипп перестал вздрагивать, зато на него напала икота. Он объяснил это тем, что Любаня вспоминает. А как же — сердце ее чуяло, что опасность была...

Икота у Речкина кончилась, когда затянул было любимую: «Скакал казак через долину, через маньчжурские края» и когда машину сильно тряхнуло.

— А может, это другая вспоминала? Есть тут одна. Эх, язви ее, хороша!..

Филипп явно хвастался. И в молодые годы, когда он был «блестящим капитаном», не слыхать было, чтоб где-нибудь была у него еще «одна», а теперь, когда уж к полусотне подкатило, вряд ли был такой грех. Да и в деревне сразу бы стало известно.

Еще Филипп взялся подтрунивать над Крапивиним. Дескать, если бы Степан оказался один на один с кабаном, так оно, вроде бы, как на равных было. Два кабана все ж таки. Хотя конечно, если бы кабан поддел Крапивина, то беды наделал бы. Ведь толстомясого Степана черта с два подброшишь за пятку. А Речкин человек легкий, пружинистый. Взлетел — и все тут. Эх, да он и сейчас, если бы Димка остановил машину, показал бы, как вприсядку отплясывать! Как пушинка!..

Филипп сидел впереди, рядом с Димкой, и показывал новую дорогу, которая намного ближе той, по которой ехали утром. Перепеленко по новой, незнакомой дороге ехал осторожно, а Речкин, как человек, знавший дорогу, объяснял, что будет впереди через сто и двести метров и так далее.

На спуске к дому правое колесо попало в занесенную

снегом промоину. Машина дернулась и намертво встала. Филипп, не ожидавший ничего подобного, боднул ветровое стекло, пробил его и высунулся по самые плечи на улицу. Дернулся назад, но не тут-то было — стекло вроде створок разошлось на стороны, а когда он дернулся назад, эти створки его не пускали.

— От, язви ее! В мордушу попал! — весело зашумел Филипп. — Это же, товарищи, у меня второй такой случай! Первый был в Германии. Уже победа была. Стояли мы в городе...

Выскочив из машины, Крапивин с Перепеленко развели в стороны стекла и освободили Филиппа.

— Так вот. Стояли мы...

— Да погоди ты! Кровь же у тебя.

— Вот тут, что ли? — Филипп приложил ладонь к шее за ухом. — Ага, есть маленько...

Он взял кусок смерзшегося снега, приложил к шее и стал было рассказывать дальше.

— Ты лучше скажи, нет ли тут еще промоин, — перебил его Димка, — а то и машину поломаем и сами голову сверцем.

— Валяй, валяй. Тут все уже. Скоро на шоссе выедем.

И правда, спуск кончился, за поворотом открылось шоссе. Теперь Филиппу ничто не мешало рассказывать.

— ...Стоим мы, значит, в замке. Хороший замок! Какой-то фон-барон жил, видать. А в подвале — всякого вина! Темновато, правда, а как присмотришься — ничего. Ну, выпили, конечно. А что? Победа же. Самое настроение...

Филипп рассказывал то, что Крапивин когда-то слышал от него не однажды, но перебивать не стал — пусть Димка послушает.

Вообще-то Речкин никогда не рассказывал ничего о войне, кроме этого вот, вовсе не военного эпизода.

— ...Ну, приходит офицер. В плащпалатке. Здоровый, бугай. Порядок наводит. А под плащпалаткой я разглядел погоны — тоже капитан. Равные мы по званию. Только я-то сижу чуть не в чем мать родила. Китель-то в зале наверху у меня. И все прочее там же, в зале: жарковато было. А он думает — я какой-нибудь хухры-мухры. Ну и строжится, командует взять меня — и на «губу». Ах ты, язва, — думаю. Я тебе сейчас покажу «губу»! Воевал, воевал — да на «губу»? Вспомнил я приемчик один, головой. Вот, думаю, как садану — так и вылетишь по ступенькам.

наверх. Ну, прицелился, разогнался... А он, видать, и сам этот приемчик знал — в самый момент отступил чуток в сторонку... В плащ-палатку-то я попал, а дальше пустота, а еще дальше врезался во что-то. Как в барабан ударил! Потом треск и музыка всякая. И темно — ничего не видно. Дернулся назад — не пускает... Как в капкан головой попал, в мордушу, вроде. А это, оказывается, я головой стенку рояля пробил. Понял? Не верите?

— Нет, ты скажи, как вылез-то? — хохотал Димка. — Так с роялем и ходил?..

— О, язва! — хохотнул и Речкин. — Ребята помогли. Как вы вот сегодня... А нос, понимаешь, с тех пор стал с горбинкой, как у орла. И даже незаметно, ни царапинки на нем, будто я так и родился. Носы вообще хорошо заживают. И твердый-твердый он у меня на этом месте, ужасно! Вот пощупай...

Домой приехали засветло. Первое, что потребовал Филипп, — чтоб Любаня истопила баньку и побольше всего напарила-нажарила: пир будет. И охота была удачная, и лично у него радость: легкий он человек, счастливый. Кабан его в космос запускал — и вот, ничегошеньки. Только царапина на щеке, да и та не от кабана. Теперь — ого! — мы сто лет проживем...